ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

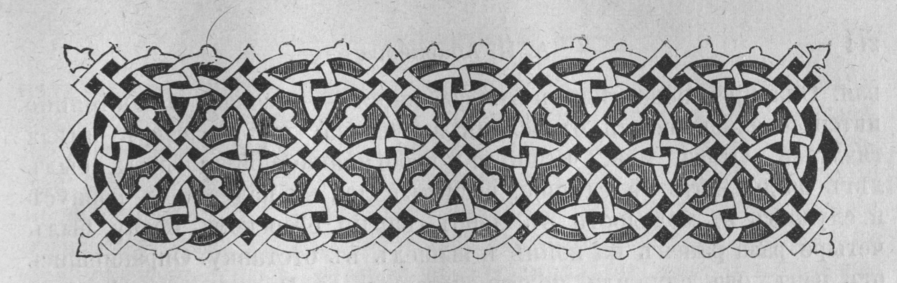
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ЯНВАРЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. АБАРИНОВОЙ.

ОИ ДРУЗЬЯ и знакомые неоднократно упрашивали меня набросать мои воспоминанія. До сихъ поръ я не могла исполнить ихъ просьбы, такъ какъ мое время всегда было занято: зимою—во время сезона—изученіемъ ролей, спектаклями и репетиціями, а въ свободные отъ занятій мѣсяцы путешествіями по Европѣ. Въ настоящее время, когда тяжелая болѣзнь приковала меня къ одному мѣсту, я съ удовольствіемъ исполняю ихъ просьбу. Спѣшу оговориться: я не имѣю никакихъ литературныхъ претензій, и ручаюсь лишь за то, что въ моихъ замѣткахъ нѣтъ никакихъ вымысловъ.

I.

Non c'é nessun maggior dolore
che ricordarsi del tempo
felice nella miseria.

Дѣтство мое не оставило во мнѣ хорошихъ воспоминаній. Родители мои жили недружно. Между ними была, во-первыхъ, огромная разница лѣтъ, во-вторыхъ, они совсѣмъ ни въ чемъ не подходили другъ къ другу. Мать моя вышла замужъ по приказанію своего отца, который былъ большимъ деспотомъ въ семействѣ. Она была женщина очень умная, рѣдкаго образованія и талантли-

вая. Она прекрасно пѣла, а въ особенности—рисовала и постоянно интересовалась всѣми отраслями искусства; но характеръ имѣла тяжелый. Отецъ мой, человѣкъ необыкновенной доброты, былъ лѣтъ на двадцать ея старше, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и служилъ въ молодости въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку, былъ четыре раза раненъ на войнѣ и вышелъ въ отставку. Оправившись отъ ранъ, онъ служилъ полицмейстеромъ во Владимирѣ, гдѣ я родилась, а позже былъ смотрителемъ Литовскаго замка въ Петербургѣ. Братьевъ и сестеръ у меня не было, я росла одна. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали въ Патріотическій институтъ, гдѣ я пробыла шесть лѣтъ.

Институтъ оставилъ во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Подруги меня любили, начальство отличало за то, что я хорошо училась. Посѣщавшіе институтъ высокіе гости относились ко мнѣ милостиво. Особенно удостоивали меня вниманіемъ покойная великая княгиня Марія Николаевна и дочь ея, нынѣ здравствующая принцесса Баденская, Марія Максимиліановна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моего дѣтства и ранней юности соединено съ именемъ Татьяны Борисовны Потемкиной, извѣстной тогда благотворительницы и меценатки. При Литовскомъ замкѣ, гдѣ служилъ мой отецъ, она устроила пріютъ для дѣтей арестантовъ и, посѣщая его, познакомилась съ моими родителями, имѣвшими квартиру въ замкѣ. Она страстно любила дѣтей и, не имѣя своихъ собственныхъ, всегда искала случая оказать ласку и покровительство чужимъ дѣтямъ. Одною изъ такихъ ея симпатій была я. Когда меня въ рѣдкихъ случаяхъ, по протекціи, отпускали изъ института на каникулы или на праздники, она часто присылала за мною, а послѣ выпуска изъ института она заинтересовалась моимъ голосомъ и приглашала къ себѣ на вечера. Мнѣ приходилось пѣть въ присутствіи ея родственниковъ и блестящаго общества: Рибопьеры, Куракины, Голицыны, Юсуповы, Трубецкіе; у нея бывалъ тогда принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, всегда относившійся ко мнѣ милостиво и хвалившій мой голосъ еще въ институтѣ. Потомъ мнѣ не разъ приходилось обращаться къ его высочеству за покровительствомъ, и я никогда не встрѣчала отказа въ его помощи. Такъ, напримѣръ, онъ опредѣлилъ по моей просьбѣ въ Николаевскій сиротскій институтъ двоюродную мою племянницу, сестру поэта Надсона, послѣ смерти ихъ матери, моей двоюродной сестры.

Яркимъ воспоминаніемъ остается для меня одинъ вечеръ, который я имѣла счастье провести во дворцѣ великой княгини Маріи Николаевны, куда повезла меня Т. Б. Потемкина. У великой княгини назначено было чтеніе «Les misérables» В. Гюго. Меня отвели на половину великихъ княженъ Маріи и Евгеніи Максимиліановны. Ихъ воспитательница, графиня Толстая, оставила насъ однѣхъ, и мы втроемъ превесело провели время. Я пѣла романсы

подъ акомпанементъ великой княгини Маріи Максимиліановны, а Евгенія Максимиліановна пѣла малороссійскія пѣсни. У нея былъ прехорошенькій голосъ. Заходилъ къ намъ и великій князь Николай Максимиліановичъ. Съ 8 часовъ вечера до полуночи время прошло прелестно и незамѣтно. Помню, что Татьяна Борисовна на обратномъ пути въ каретѣ учила меня произносить молитву на французскомъ языкѣ, которая предохраняла бы меня отъ искушеній свѣта, въ особенности—отъ ухаживаній молодыхъ людей.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхала съ матерью за границу, чтобы продолжать учиться пѣть въ Миланѣ. Мы нанимали двѣ комнаты у старушки Караро, бывшей знаменитости, современницы Малибранъ. Много разсказывала она намъ интереснаго про эту эксцентричную, геніальную пѣвицу, о чемъ сообщу дальше. Полтора года я занималась безпрерывно. Сначала моимъ учителемъ былъ Мацукато, а потомъ извѣстный профессоръ пѣнія Ламперти. Черезъ полтора года я должна была съ матерью вернуться въ Россію, по семейнымъ обстоятельствамъ, и проѣздомъ черезъ Одессу я выступила экспромтомъ на сценѣ, въ роли Пьеретто въ оперѣ «Линда ди Шамуни».

Тогдашній мой успѣхъ я приписываю только моей молодости, недурной внѣшности и природному хорошему тембру голоса, но я далеко еще не была законченной пѣвицей. Одновременно со мной выступили тогда извѣстные артисты, теноръ Комисаржевскій и баритонъ Падилла. Послѣ сезона я уѣхала въ Италію опять заниматься пѣніемъ. На слѣдующій сезонъ я была приглашена въ итальянскую оперу въ Москву, гдѣ выступила подъ именемъ Реджи и пѣла весь репертуаръ контральто. Со мною служили: сопрано драматическое Фриччи, Гасье — колоратурное сопрано, теноръ Нери-Баральди, басъ Віалетти и баритонъ Стеллеръ. Послѣ этого сезона я вскорѣ вышла замужъ и оставила сцену на пять лѣтъ. Эти тяжелые годы я хотѣла бы вычеркнуть изъ моей жизни и не хочу ихъ вспоминать. Я нигдѣ не бывала, и у насъ никто не бывалъ. Только послѣднее время меня навѣщали двѣ мои институтскія подруги: А. Н. Чебышева и Н. А. Акинѳіева, впослѣдствіи—графиня Богарне. Я бывала у нея, въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ она гостила у своего родственника канцлера князя Горчакова. Наконецъ я была вынуждена уѣхать отъ мужа, захвативъ съ собою троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было три года, а меньшому одинъ мѣсяцъ. Средствъ у меня не было никакихъ. Я переѣхала въ домъ моей подруги А. Н. Ч. и вскорѣ была обрадована предложеніемъ Г. П. Кондратьева ѣхать по Волгѣ давать концерты въ приволжскихъ городахъ. Съ нами поѣхалъ П. В. Васильевъ, извѣстный артистъ, на гастроли. Въ антрактахъ его спектаклей мы съ Кондратьевымъ пѣли и, кромѣ того, давали отдѣльно концерты. Успѣхъ былъ большой, и въ матеріальномъ

отношеніи поѣздка была удачная. Проѣздомъ я была въ Таганрогѣ и въ Одессѣ, гдѣ получила приглашеніе на зимній сезонъ въ итальянскую оперу. Тогда мнѣ шелъ 24-й годъ. Сезонъ для меня удался блистательно. Особенно же я вспоминаю мой первый бенефисъ. Я выступила въ Роли Ромео, въ оперѣ Беллини «Монтекки и Капулетти». На лѣто въ Одессу пріѣхалъ изъ Кіева съ своей труппой русской оперы антрепренеръ Бергеръ, и по желанію публики я перешла въ его труппу. Со мною пѣли: Меньшикова, В. И. Васильевъ (басъ), Раппортъ и Додоновъ. Въ этомъ сезонѣ первый разъ была поставлена въ Одессѣ «Жизнь за Царя», имѣвшая громадный успѣхъ. Я пѣла роль Вани. Осенью я переѣхала въ Тифлисъ, заключивъ контрактъ на два сезона въ итальянскую оперу. Въ 1871 году посѣтилъ Тифлисъ императоръ Александръ II. Спектакль gala состоялъ изъ отрывковъ разныхъ оперъ. Я исполняла роль Зибеля въ третьемъ актѣ Фауста, и такъ какъ затѣмъ должна была пѣть одинъ актъ Периколы, то, окончивъ свою арію, торопилась переодѣваться изъ мужского костюма въ женскій. Вдругъ ко мнѣ въ уборную постучался директоръ театра, баронъ Мейндорфъ, объявляя, что государь пришелъ на сцену и желаетъ со мною говорить. Я страшно взволновалась и, наскоро накинувъ капотъ и шаль, выбѣжала за кулисы. Государь говорилъ со мною очень милостиво, хвалилъ мой голосъ и былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что я—бывшая воспитанница Патріотическаго института, да еще награжденная шифромъ. Въ тотъ же вечеръ я была представлена великому князю Владиміру Александровичу, которому обязана моимъ поступленіемъ на Петербургскую сцену.

Въ этомъ сезонѣ въ Тифлисскомъ театрѣ впервые была поставлена, на ряду съ итальянскими операми, первая оперетка «Птички пѣвчія». Постановка стоила большого труда. Самъ директоръ, баронъ Мейндорфъ, и я писали французскими буквами русскія слова для хора, который весь состоялъ изъ итальянцевъ. Градовъ-Соколовъ и Журинъ изъ драматической труппы, игравшіе первыя роли въ Периколѣ, не знали нотъ совсѣмъ, и мнѣ пришлось разучивать ихъ партіи и учить ихъ съ голоса, запоминать по слуху. Извѣстный теперь опереточный премьеръ А. Д. Давыдовъ исполнялъ роль одного изъ нотаріусовъ.

Наши труды не пропали даромъ: «Птички пѣвчія» имѣли успѣхъ колоссальный и дали болѣе 20-ти полныхъ сборовъ, что для провинціи—небывалая рѣдкость. Мою службу въ Тифлисѣ я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностью. Успѣхъ мой былъ большой, меня очень любили, всюду принимали радушно и баловали. Я имѣла честь пѣть во дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича и удостоилась получить подарокъ отъ покойной великой княгини Ольги Ѳеодоровны.

Итальянская опера была такъ роскошно обставлена въ Тиф-

лисѣ, что, несмотря на отличные сборы и субсидію отъ казны, послѣ двухъ сезоновъ получился огромный дефицитъ, и театръ пришлось закрыть и распустить труппу. Для меня это было очень неожиданно и тяжело, такъ какъ я оставалась опять безъ всякихъ рессурсовъ. Я отправилась лѣтомъ въ Москву просить дебюта, но въ глубинѣ души надѣялась опять вернуться въ Тифлисъ, гдѣ мнѣ жилось такъ хорошо. Увы! вскорѣ я узнала, что театръ сгорѣлъ. Это былъ самый красивый театръ, который я только видѣла въ жизни; внутри онъ былъ роскошно отдѣланъ въ восточномъ вкусѣ.

Лѣтомъ 1872 года, въ Москвѣ, была политехническая выставка. Въ концѣ іюля ждали проѣзда государя черезъ Москву въ Крымъ. По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я обратилась къ управляющему московскими театрами, В. П. Бѣгичеву, прося разрѣшить мнѣ дебютъ. Онъ предложилъ мнѣ выступить въ «Жизни за Царя» и въ «Птичкахъ пѣвчихъ», модной тогда опереткѣ. На моемъ второмъ дебютѣ присутствовалъ государь и нѣкоторыя лица царской фамиліи. Послѣ перваго акта его величество пришелъ на сцену, говорилъ со мною и пригласилъ въ царскую ложу, сказавъ, что его племянница, великая княгиня Марія Максиміліановна, узнала меня и желаетъ меня видѣть. Я была глубоко тронута доброй памятью великой княгини и никогда не забуду ея милостиваго со мною обращенія.

На другой день моего удачнаго дебюта со мною былъ заключенъ контрактъ на выгодныхъ для меня условіяхъ, и я уѣхала въ Тверь къ роднымъ. Тамъ я должна была получить телеграмму изъ Ливадіи, когда мой контрактъ будетъ подписанъ министромъ. Но, къ моему удивленію, я получила не эту, а другую депешу, отъ директора петербургскаго театра, Гедеонова, вызывающую меня немедленно въ Петербургъ для переговоровъ по важному дѣлу. Я сейчасъ же выѣхала и на другое утро явилась къ Гедеонову. Онъ принялъ меня крайне любезно, но каково же было мое удивленіе, когда онъ сталъ меня уговаривать остаться служить въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ!

На дѣлѣ оказалось вотъ что: чиновникъ особыхъ порученій при директорѣ, А. А. Эйхлеръ, присутствовалъ на моихъ дебютахъ въ Москвѣ и разсказалъ Гедеонову, какъ они были удачны, и какъ внимательно отнесся ко мнѣ государь и лица царской фамиліи. Какъ разъ въ это время въ Петербургѣ былъ кризисъ съ пѣвицами--контральто. Леонова совсѣмъ покинула сцену; Лавровская въ разгарѣ своей славы, не поладивъ съ дирекціей, уѣхала изъ Петербурга. Оставалась одна Крутикова въ оперѣ. Даже Кронебергъ, пѣвшая въ опереткѣ, заболѣла серьезно.

Такимъ образомъ, я, пѣвшая весь репертуаръ контральто, а также и нѣсколько партій входившихъ тогда въ моду оперетокъ, оказалась необходимою для петербургской сцены.

На предложеніе Гедеонова я возразила, что меня пугаетъ продолжительность переписки о моемъ переводѣ, и что Богъ знаетъ, когда это можетъ устроиться. Но онъ сейчасъ же, при мнѣ, послалъ телеграмму въ Ливадію министру двора, а вечеромъ былъ ужъ полученъ отвѣтъ, рѣшившій мою службу въ Петербургѣ. При обсужденіи вопроса о дебютѣ я нашла, что выступать въ одной изъ ролей любимицы публики, Лавровской, въ тотъ моментъ, когда весь городъ былъ опечаленъ ея вынужденнымъ отъѣздомъ, было бы нетактично и рискованно. Поэтому я выбрала «Птички пѣвчія», разсчитывая, судя по прошлому, на вѣрный успѣхъ. Расчетъ мой оказался вѣренъ, публика приняла меня восторженно, что даже превзошло мои ожиданія.

Итакъ, съ 30-го августа 1872 г. я ужъ не покидала Петербурга. Однако мой легкій успѣхъ въ опереткахъ не удовлетворялъ меня, и, кромѣ того, партіи опереточныхъ премьершъ, написанныя иногда въ высокихъ регистрахъ, вредно отзывались на моемъ голосѣ. Я только полтора сезона пѣла въ опереткахъ на Александринской сценѣ, а затѣмъ перешла на Маріинскую, въ русскую оперу. Одною изъ первыхъ моихъ ролей въ русской оперѣ была роль Спиридоновны во «Вражьей силѣ» Сѣрова. Это открыло мнѣ новый горизонтъ въ искусствѣ. Послѣ «bel canto italiano», на которомъ я была воспитана, въ музыкальномъ отношеніи, партія Спиридоновны показалась мнѣ сначала чѣмъ-то дикимъ. Все, что я могла сдѣлать, это выучить добросовѣстно роль къ первой же репетиціи. Но каково было мое положеніе, когда Направникъ послѣ моей попытки пѣть закрылъ ноты и сказалъ: «Это совсѣмъ не то. Вы поете итальянскій речитативъ. Тутъ голоса не нужно, а говоркомъ, тривіально». Я заплакала и не знала, что дѣлать. Послѣ репетиціи пришелъ ко мнѣ Г. П. Кондратьевъ ободрить меня и увѣрилъ, что при помощи нашего общаго пріятеля, П. В. Васильева, дѣло пойдетъ на ладъ. Однако на другой день они долго мучились со мною и не могли добиться того, что нужно. Дѣйствительно послѣ Ромео, Арзаса, Орсино, мнѣ, тогда совсѣмъ молодой женщинѣ, трудно было изобразить старую, пьяную бабу въ трактирѣ. Вдругъ Васильеву пришла геніальная мысль: «загримируйте ее, сдѣлайте ей шугай, купите рыночные сапоги, повяжите голову повойникомъ — тогда она пойметъ, что нужно дѣлать». Для гримировки былъ призванъ художникъ Якобій. Одѣли меня такъ, какъ слѣдуетъ, и едва я увидѣла себя въ зеркало, какъ сразу появились и жесты, и фразировка. Впослѣдствіи Направникъ хвалилъ меня за эту роль.

Весною 1874 года, я поѣхала въ Парижъ, для исправленія недостатковъ въ моемъ пѣніи, къ знаменитой пѣвицѣ Віардо-Гарсіа, къ которой у меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Когда, въ назначенный день, я вошла въ ея кабинетъ, горничная просила меня подождать. M-me Віардо была на экзаменѣ въ кон-

серваторіи. Я съ любопытствомъ разсматривала картины и портреты, украшавшіе комнату. Тутъ были: портретъ во весь ростъ ея геніальной сестры, Малибранъ, портретъ ея пріятельницы Жоржъ-Зандъ, Тургенева, Гуно, Сенъ-Санса и т. д.

Вдругъ слышу, кто-то бѣжитъ по лѣстницѣ. «Marguerite, prenez vite mon chapeau!» И вотъ она вошла. Судя по разсказамъ моей матери, современницы Віардо, я ожидала увидѣть почтенную старушку. Моему удивленію не было границъ, когда я увидала на порогѣ стройную, невысокую женщину среднихъ лѣтъ, въ изящномъ черномъ кружевномъ платьѣ и въ такой же шляпѣ съ полевыми цвѣтами. (Въ то время художникъ Харламовъ писалъ ея портретъ). Она любезно извинилась, что заставила меня ждать, попросила спѣть ей что нибудь изъ моего репертуара и спросила, сколько мѣсяцевъ я имѣю въ моемъ распоряженіи. Я отвѣчала, что четыре мѣсяца я совсѣмъ свободна. Затѣмъ она заговорила быстро и авторитетно: «quatre mois—c'est beaucoup, vous n'êtes pas une commençante. Vous prendrez un logement à Bougival à côté de moi, et vous viendrez chez moi tous les jours». (Четыре мѣсяца много—вы не начинающая. Вы наймете помѣщеніе въ Буживалѣ, около меня, и будете приходить ко мнѣ ежедневно).

Въ тотъ же вечеръ я отправилась въ Буживаль и наняла маленькую дачку у вдовы художника Бутервека, друга Ораса Верне. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Ей было 72 года. Голландка по происхожденію, она была необыкновенно сильна и цвѣтуща для такого возраста: высокаго роста, богатырскаго сложенія, съ румянцемъ во всю щеку. Она вставала въ 5 часовъ утра, выливала на себя три ведра холодной воды и затѣмъ шла за нѣсколько километровъ пѣшкомъ въ Версаль, за провизіей. Такъ какъ она имѣла характеръ весьма неуживчивый, то перессорилась со всѣми лавочниками въ Буживалѣ, ей не отпускали больше провизіи, и она принуждена была покупать ее въ Версалѣ.

Съ перваго же урока m-me Віардо совсѣмъ очаровала меня. Женщина необыкновеннаго ума, говорящая на всѣхъ европейскихъ языкахъ такъ увлекательно, что заслушаться можно; энергія, бьющая ключемъ, подвижность, темпераментъ, а ей было тогда за 50 лѣтъ. Кромѣ пѣнія, она обладала еще и музыкальнымъ талантомъ, какъ піанистка. Я узнала отъ нея, что до 15 лѣтъ она готовилась быть піанисткой, пока у нея не открылся замѣчательный голосъ. Все это показывало натуру, исключительно одаренную. Мои уроки были для меня наслажденіемъ. Иногда m-me Віардо такъ увлекалась сама какимъ нибудь романсомъ или аріей, что забывала условленные полчаса, и урокъ затягивался болѣе часа. Она очень цѣнила русскую музыку и съ особеннымъ удовольствіемъ проходила со мною партію Ратмира въ «Русланѣ». Чайковскаго

она ставила очень высоко и интересовалась всѣмъ, что выходило въ Россіи новаго по музыкальной части.

Я помню такой случай: при мнѣ принесли съ почты ящикъ съ новыми нотами. Она стала разбирать его при мнѣ и остановилась на новомъ тогда романсѣ Чайковскаго: «Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ». Она усѣлась за рояль и стала сама напѣвать, искренно восхищаясь. Такого исполненія, такихъ оттѣнковъ и фразировки я никогда ужъ больше не слыхала. На этотъ разъ урокъ затянулся на полтора часа.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда въ Буживаль, вернулся изъ Россіи Тургеневъ совсѣмъ больной. Онъ жилъ рядомъ съ виллой Віардо, въ маленькомъ chalet. Однажды, отправляясь на урокъ, я увидѣла въ саду согнувшагося старичка, въ высокихъ плисовыхъ сапогахъ, опирающагося на палку. Дня черезъ два передъ урокомъ m-me Віардо познакомила меня съ Иваномъ Сергѣевичемъ, который былъ въ тотъ день неузнаваемъ. Припадокъ подагры миновалъ, и я увидѣла передъ собою высокаго, стройнаго человѣка, съ густыми сѣдыми волосами и свѣжимъ, румянымъ лицомъ. Я страшно конфузилась, когда m-me Віардо заставляла меня пѣть при немъ мой «cheval de bataille», какъ она называла вторую арію Ратмира изъ «Руслана» «Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость». M-me Віардо обращалась съ Иваномъ Сергѣевичемъ очень кокетливо, даже шаловливо, подшучивая надъ нимъ, говорила мнѣ: «Vous avez peur de lui,—ah, vous avez raison, c'est un homme terrible» (вы его боитесь, и вы правы, это ужасный человѣкъ). Онъ добродушно улыбался, казалось, конфузился не менѣе меня и отвѣчалъ: «Не вѣрьте m-me Віардо, ну, какой я homme terrible?». Увидавъ ихъ вмѣстѣ, я сразу поняла, какое было безграничное обожаніе съ его стороны. Потомъ мнѣ не разъ приходилось съ нимъ встрѣчаться у m-me Віардо. Сколько интереснаго разсказывала мнѣ эта удивительная женщина про себя и про свою сестру Малибранъ! Отъ нея я узнала, что партія Фидесъ въ «Пророкѣ» была написана для нея Мейерберомъ. Она пѣла ее на трехъ языкахъ. Вмѣстѣ съ знаменитымъ Маріо и самимъ композиторомъ они втроемъ объѣхали съ этой оперой всѣ столицы Европы. Партія Фидесъ, написанная въ очень обширномъ регистрѣ, настолько ее утомила, что, по совѣту доктора, Віардо, тогда еще молодая женщина, должна была для отдыха оставить сцену на полтора года, чтобы вернуть свой прежній голосъ.

Въ то время, когда я занималась съ m-me Віардо, я слышала отъ нея, что Сенъ-Сансъ пишетъ оперу «Самсонъ и Далила», впослѣдствіи обошедшую всѣ европейскія сцены. Тогда онъ закончилъ только два акта и уговорилъ Віардо спѣть роль Далилы на маленькой частной сценѣ, недалеко отъ Буживаля. Весь entourage состоялъ изъ учениковъ консерваторіи. Публика была неплатная,

только по личному приглашенію m-me Віардо или композитора. Присутствовали всѣ музыкальные авторитеты Парижа. Віардо была такъ любезна, что доставила билеты двумъ своимъ ученицамъ— мнѣ и m-elle Скобелевой, будущей герцогинѣ Лейхтенбергской.

Мнѣ часто приходилось ждать окончанія урока З. Д. Скобелевой. Изъ сосѣдней комнаты я слушала съ удовольствіемъ ея прелестный голосъ—фіоритурное сопрано. Во время этого замѣчательнаго спектакля на мѣстѣ оркестра стоялъ рояль, и самъ авторъ акомпанировалъ пѣнію артистовъ. Тогда голосъ Віардо былъ уже тронутъ, особенно средній регистръ, но верхнія и низкія ноты сохранились прекрасно, а геніальное исполненіе заставляло забывать и возрастъ, не подходящій для Далилы, и недостатки голоса, и все остальное. Этотъ спектакль остается для меня воспоминаніемъ исключительнымъ. Вполнѣ стали мнѣ понятны безумные восторги публики, сопровождавшіе молодость этой удивительной артистки.

M-me Віардо мнѣ часто разсказывала о своей сестрѣ Малибранъ, выражаясь про нее, что «c'était une folle, elle ne pouvait rester un moment tranquille, ni prendre un livre, un ouvrage quelconque» (это была сумасшедшая, она не могла остаться ни минуты спокойной, ни взять книгу или какую нибудь работу). У нея былъ избытокъ силъ, которыя каждую минуту рвались наружу. Она была красива и прекрасно сложена, замѣчательная актриса, голосъ ея былъ необыкновеннаго размѣра и силы, она свободно владѣла тремя октавами и могла пѣть Арзаса (низкое контральто), а на другой день Семирамиду (высокое сопрано), Ромео и Сонамбулу и т. п. Кромѣ того, она отлично фехтовала и ѣздила верхомъ въ мужскомъ платьѣ.

Она успѣла два раза быть замужемъ, хотя умерла всего 29 лѣтъ. Съ первымъ мужемъ, Малибраномъ, она развелась и вышла за Беріо, извѣстнаго скрипача. Я слышала, что причиною смерти ея было паденіе съ лошади и болѣзнь ноги. Тутъ кстати я могу припомнить разсказы старушки Караро, о которыхъ я упомянула раньше.

Малибранъ была приглашена на нѣсколько спектаклей въ Неаполь. Въ тотъ вечеръ, когда она должна была выступить въ любимой ея роли, Ромео, къ началу спектакля ея не оказалось въ театрѣ; проходитъ четверть часа, двадцать минутъ—все ея нѣтъ. Публика начала шикать и свистать. Наконецъ, черезъ полчаса подъѣхала Малибранъ. Импрессаріо рветъ на себѣ волосы, подбѣгая къ ней, и предупреждаетъ, что публика враждебно настроена, и ее ждетъ скандалъ. Не обративъ на него вниманія, она въ минуту одѣлась и вышла на сцену. Ее встрѣтили свистками, но она съ полнымъ самообладаніемъ продолжала роль, и въ сценѣ, когда Ромео является посломъ въ лагерь Капулетти, она смѣло подняла забрало и, обратясь къ публикѣ, пропѣла речитативъ «guarda mi e trema» (смотри на меня и трепещи). Театръ мгновенно сталъ

неузнаваемъ и задрожалъ отъ рукоплесканій. Въ этотъ вечеръ она была особенно въ ударѣ, и по окончаніи спектакля ее вынесли на рукахъ; каждый считалъ за счастье прикоснуться къ ея одеждѣ. Въ фойе театра «La Scala» въ Миланѣ стоитъ бюстъ этой геніальной артистки, а похоронена она въ окрестностяхъ Брюсселя. Я была на ея могилѣ и съ благоговѣніемъ положила вѣнокъ къ ея ногамъ.

Много лѣтъ спустя мнѣ опять пришлось заѣхать въ Буживаль. M-me Віардо я не застала дома. Меня встрѣтилъ съ лаемъ большой бѣлый пудель. Я испугалась, но затѣмъ услышала голосъ Ивана Сергѣевича: «Не бойтесь, онъ не кусается». M-me Віардо жила на другой виллѣ, еще болѣе роскошной и, какъ мнѣ сказали, подаренной ей Тургеневымъ. Онъ занималъ, какъ и прежде, маленькій chalet, рядомъ съ большимъ домомъ. Вмѣстѣ съ нимъ жилъ сынъ m-me Віардо, Поль, извѣстный скрипачъ. Я просидѣла у Ивана Сергѣевича около часу. Кабинетъ его заключалъ въ себѣ много портретовъ Віардо. Я остановилась на одномъ изъ нихъ, на которомъ она была немного польщена. Онъ снялъ его со стѣны, чтобы показать мнѣ поближе, и самъ долго съ любовью смотрѣлъ на него, и, какъ бы про себя, промолвилъ: «какія чудныя черты!» Онъ много разспрашивалъ меня о Чайковскомъ и просилъ разузнать и написать ему, по возвращеніи моемъ въ Россію, гдѣ онъ находится. (Это было вскорѣ послѣ женитьбы Чайковскаго). Когда я простилась, Иванъ Сергѣевичъ пошелъ меня провожать, такъ какъ по дорогѣ жили его родственники, тоже Тургеневы. Проходя черезъ ворота, онъ остановился и заговорилъ съ консьержемъ: «N'oubliez pas de faire atteler pour les 5 heures», т. е. къ тому часу, когда Віардо должна была вернуться изъ Парижа. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ разсѣянно слушалъ то, что я ему говорила, и еще разъ вернулся повторить консьержу то же самое. Очевидно, забота о ней не оставляла его ни на минуту. Тургеневъ пріѣзжалъ въ Петербургъ во время первой постановки его комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ» и былъ у меня. Я съ нимъ читала мою роль, дѣлала сокращенія по его указанію и приняла къ свѣдѣнію нѣкоторыя его замѣчанія. Это было въ первый годъ моего перехода изъ оперы; я была слишкомъ еще неопытна для трудной роли Натальи Петровны.

Въ 1897 году, я снова была въ Парижѣ и навѣстила m-me Віардо въ ея городской квартирѣ (faubourg St. Germain). Разумѣется, она постарѣла за эти 26 лѣтъ, но сѣдые волосы еще болѣе шли къ ея большимъ, чернымъ, неугасшимъ глазамъ. Попрежнему она всѣмъ интересовалась и для своихъ 77 лѣтъ была необыкновенно бодра и попрежнему элегантна. Между прочимъ, она съ грустью сообщила мнѣ, что ея любимецъ, Поль, женился такъ неудачно, что она вынуждена была перестать съ нимъ видѣться.

На прощанье она дала мнѣ свой портретъ съ любезной надписью, и съ тѣхъ поръ я ужъ ея не видала. Безспорно, это была самая замѣчательная женщина изъ всѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни.

Возвращаюсь, послѣ отступленія, къ текущимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Въ 1877 году, я просила перевода въ Московскую оперу, который былъ вскорѣ утвержденъ. Но, спустя нѣкоторое время, обстоятельства вынудили меня хлопотать о томъ, чтобы остаться въ Петербургѣ. Недоступный директоръ, баронъ Кистеръ, былъ, конечно, недоволенъ мною, но такъ какъ онъ не принималъ никого изъ артистовъ, то и невозможно было объяснить ему серіозныя причины, заставлявшія меня измѣнить мое рѣшеніе. Въ оперѣ поспѣшили меня замѣнить, а такъ какъ сцену бросить я не хотѣла и не могла, то я ухватилась за слабую надежду перейти въ драму. Благодаря покровительству великаго князя Владимира Александровича, мнѣ разрѣшили дебютъ на Александринской сценѣ. Въ августѣ того же года я дебютировала въ роли Лемтюгиной въ комедіи Манна «Паутина» и была принята въ драматическую труппу на роли grandes coquettes, а потомъ понемногу перешла на роли grandes dames. Я продолжала мою службу счастливо до постигшей меня тяжелой болѣзни въ ноябрѣ 1899 года.

Я не нахожу удобнымъ говорить о своихъ успѣхахъ и удачныхъ роляхъ. Ссылаюсь на статью въ «Театральномъ ежегодникѣ», написанную Н. А. Селивановымъ по поводу моего 25-тилѣтняго юбилея. Моими любимыми ролями прежде на Александринской сценѣ были: «Лакомый кусочекъ» Дамьянова (мой первый выдающійся успѣхъ), «Свѣтитъ, да не грѣетъ» Ренева. Въ недавнее время, по перемѣнѣ амплуа, я придаю значеніе роли Мышкиной въ «Жизни Илимова», въ которой я изображала комическую старуху, стоившую мнѣ немало труда послѣ ролей grandes dames. Могу еще назвать нѣсколько ролей, которыя я играла съ особеннымъ удовольствіемъ: «Блуждающіе огни»—Лидія, «Виноватая»—роль Бородавкиной, «Ревизоръ»—городничиха, «Безприданница»—Огудалова, «Вакантное мѣсто»—Сыропустова, «Божья коровка»—Ярцева, «Въ неравной борьбѣ»—фонъ-Штенгъ, «Тартюфъ»—Эльмира, «На всякаго мудреца»—Мамаева, «Ольга Ранцева»—кн. Шастунова, «Перчатка»—m-me Кристингенъ, «Плоды просвѣщенія»—Звѣздинцева, «Общество поощренія скуки»—гр. Буханова, «Дворянское гнѣздо»—Калитина, «Безъ предразсудковъ»—Агарина, «Супружеское счастье»—Брызгалова, «На законномъ основаніи»—баронесса, «Первая муха»—Пелагея Дмитріевна, «Спорный вопросъ»—Опенкова, «Пашенька»—кн. Ларская, «Защитникъ»—Шорникова, «Бой бабочекъ»—Гергентхеймъ, «Татьяна Рѣпина»—Анна Львовна Кокошкина, «Борцы»—баронесса Торнъ. Послѣднія роли: «Закатъ»—кн. Дубецкая, «Накипь»—В. С. Мосѣева.

Не могу сказать ничего, кромѣ хорошаго, о моихъ товарищахъ, съ которыми я жила всегда дружно и въ особенности оцѣнила ихъ сердечное ко мнѣ отношеніе во время моей болѣзни.

Всѣ мои досуги я посвящала путешествіямъ, составлявшимъ, на ряду со сценой, главный интересъ моей жизни.

Со скромными средствами я постепенно, въ теченіе почти 20-ти лѣтъ, объѣхала всю Европу, побывала и въ сѣверной Африкѣ.

Передъ каждой моей поѣздкой я заранѣе читала все, что меня могло подготовить къ ней, т. е. историческія описанія, путешествія и проч. Собираясь въ Англію, я брала уроки англійскаго языка, и хотя не могу сказать, чтобы успѣла изучить его въ совершенствѣ, тѣмъ не менѣе знаю его настолько, что могла безъ затрудненія объяснить все, что мнѣ было нужно.

А. Абаринова.

